

О НАЗНАЧЕНИИ МОНЕТ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «ВАРВАРИЗОВАННОЙ» ЧЕКАНКИ, НАХОДИМЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ГРУЗИИ

(По поводу статьи С. И. Макалатия)

Недавно опубликованная статья С. И. Макалатия «Археологические находки в селении Ахриси (Картли)» (ВДИ, 1951, № 3) свидетельствует о том, что так называемые «подражания стерам Александра Македонского» все еще продолжают жить и интересовать специалистов и что эта группа монет пополняется новыми и все более интересными данными.

К сожалению, в статье С. И. Макалатия, наряду с новым и интересным фактическим материалом и оригинальными мыслями, имеется ряд неточностей и противоречий, вызывающих возражения. Так, например, совершенно не соответствует исторической действительности его декларативное заявление о трехсотлетнем «господстве римлян» в Колхиде и Иберии (стр. 185). Это — полное игнорирование имевшей место в Иберии так называемой «филокесарии», которую цутать с господством никак нельзя. Ссылаясь на стр. 166 моей работы «О древнейших золотых монетах Грузии», он приписывает мне несуществующее утверждение, будто «колхские золотые стеры чеканились в продолжении нескольких десятилетий в разных краях» (стр. 183). На деле же в указанном месте речь идет о более мелких владениях Колхского царства, находившихся в слабой зависимости от царя, и о «продолжительности времени чекана». На стр. 162-й эта продолжительность времени предварительно определялась не десятилетиями, а «примерно тремя столетиями» (ВДИ, 1949, № 3).

Не останавливаясь на перечислении всех неточностей, имеющих в статье С. И. Макалатия, укажу на те из них, которые имеют отношение к интересующим нас монетам и могут ускользнуть от внимания неспециалиста.

Прежде всего странным кажется предупреждение, что «это первый случай находки такого типа золотой монеты на территории центральной Картли (древняя Иберия)» (стр. 182), когда на первой же строке следующей страницы имеется противоречивая справка: «...такая же монета и кольцо найдены в других погребениях в Геби, Уреки, Бори, Кидеети и Мцхета» (стр. 183). Что Мцхета являлась в древности столицей Иберии, известно дополнительно и, следовательно, ахрисская находка уже не может считаться первой, даже если принять во внимание оговорку, что речь идет о «центральной Картли»¹.

Неправильно и другое утверждение С. И. Макалатия, что серебряные колхидки «...чеканились с V по I в. до н. э. и в продолжение этого периода форма и вес их не менялись. Иконография монет была определенная и также не менялась» (стр. 184). Если даже обойти молчанием не известно, на каком основании, измененную датировку этих монет, то достаточно указать, что вопреки этому утверждению: 1) имеется сколько угодно примеров очень чувствительных весовых отклонений, колеблющихся в пределах 1,30—2,80 г; 2) качество металла этих колхидок, как об этом хорошо известно С. И. Макалатия, колеблется от серебра хорошей пробы до субэратных; 3) уже с 1910 г. известно, что количество вариантов колхидок очень велико и дает «все переходы от типа чрезвычайно изящного к типам, в высшей степени грубо выполненным»².

¹ Находка в Уреки, о которой говорит С. И. Макалатия, это, действительно, «первый случай», так как найденная там монета принадлежит уже к совершенно другой категории — подражаниям римским ауреусам.

² Е. А. Павлов, Монеты Грузии, ч. 1 (домонгольский период). «Записки нумизмат. отделения ИРАО», т. I (1910), вып. IV (отд. оттиск), стр. 6 сл.

Ссылаясь на статью О. Ф. Ретовского¹, С. И. Макалатия говорит о монете с надписью «Колхидского царя Аристарха» (стр. 184), но напрасно он умалчивает о том, что исследователи убедились в неправильности чтения на монете титула ΒΑΣΙΛΕΥΣ.

Рискованно утверждать, что «в период римского владычества в Колхиде и Иберии обращались... монеты Аристарха Колхидского, парфянские и римские...» (стр. 185). Представляющие очень большую редкость драхмы Аристарха вряд ли имели широкое обращение и в Иберию даже наверное не проникали, а парфянская монета «...прочно укрепляется на территории Азербайджана..., Восточной Грузии..., не проникая в Западную»².

Утверждение в заключительной части статьи, что «из золотых монет, как было сказано выше, большой популярностью пользовались золотые статеры Александра» (стр. 186), послужившие образцами для изготовления наших подражаний, явно опровергается сказанным двумя абзацами выше: «...при римском владычестве и золотые статеры Александра уже вышли из обращения» (стр. 185). Ведь совершенно очевидно, что раз к этому времени они вышли из обращения, то, следовательно, не могли быть и популярными.

Можно было бы ограничиться разбором этих неясностей и противоречий, если бы дальнейшие рассуждения автора не были построены главным образом на них и рассчитаны на то, чтобы убедить читателя в том, что подражания золотым статерам Александра являются не «денежной монетой», а изготовленными для «погребального инвентаря» индикациями.

Для достижения этой цели С. И. Макалатия прежде всего заявляет, что «вопрос о происхождении этого типа подражаний пока еще не разрешен, не установлено ни место чеканки этих монет, ни откуда они распространились» (стр. 183). Создав, таким образом, определенное мнение и дав самую сжатую историю исследований в этой области, С. И. Макалатия сначала соглашается с Е. А. Пахомовым и А. Н. Зографом, что «...эти подражания статерам Александра чеканились на Кавказе» (стр. 183). Затем, предварительно подвергнув критике суждения авторов, склоняющихся в пользу колхского происхождения этих монет, и упрекнув их в том, что они не приводили «достоверных фактов, подтверждающих» их предположение (стр. 183), в самом последнем абзаце своей статьи он совершенно неожиданно заключает: «итак, монеты-подражания статерам Александра были распространены в Колхиде и Иберии в I—III вв. н. э. Чеканились они частными мастерами для погребального инвентаря» (стр. 186).

Таким образом, ахриская находка по своей достоверности оказывается настолько несомненной, что только на основании ее С. И. Макалатия решает изменить датировку подражаний (I—III вв. н. э.), по слову не обмолвившись о мнениях А. Н. Зографа и других исследователей, которые, как мне кажется, убедительно доказали, что подражания этой категории возникли в конце I в. до н. э.

Как известно, «представление о распространении монет создается на основе массовых их находок»³, чего не отрицает и С. И. Макалатия. Иначе он не повторял бы сказанного и раньше, что подражаний статерам Александра «...много найдено в Грузии, особенно в западной ее части (на территории древней Колхиды)» (стр. 182). Дополняя зафиксированные Е. А. Пахомовым и А. Н. Зографом сведения о подобных находках новыми данными, накопившимися у нас за последнее время, я также руководствовался этим принципом и потому специально посвященную этому вопросу работу снабдил соответствующим списком (ВДИ, 1949, № 3). Замечу, что в этом списке не 45,

¹ О. Ф. Ретовский, Драхма Аристарха Колхидского. «Труды Московского нумизмат. о-ва», III (1905).

² Е. А. Пахомов, Монетные клады Азербайджана и Закавказья, Баку, 1926, стр. 17.

³ А. Н. Зограф, Распространение находок античных монет на Кавказе, ТОНГЭ, I (1945), стр. 31.

как утверждает С. И. Макалатия, а 50 монет¹, и категорически возражаю против его утверждения, что «...большинство из них—случайные находки, без указания места и времени» (стр. 182). Ведь 22 из них найдены в процессе научно поставленных археологических раскопок, а такие находки, как в Бори, Вани, Чиора и др., по достоверности имеющихся о них сведений не только не уступают находке в с. Ахриси, но и значительно ее превосходят. По меньшей мере 40 монет из этого списка снабжены всеми необходимыми сведениями, и только лишь при слишком строгом подходе под некоторые ободки могут быть поставлены экземпляры за №№ 1—3, 8—10 и 20—21 этого списка. Если же принять во внимание, что и ахрисская находка случайная, то тенденция С. И. Макалатия ставить под сомнение «большинство» имеющихся до этого сведений основана на недоразумении.

Описание монеты из Ахриси, которое дал С. И. Макалатия, может создать о ней совершенно ложное представление. Привычное и не раз уже практиковавшееся описание этой монеты С. И. Макалатия дополняет несуществующими подробностями: «изображение мужского головного профиля с шевелюрой», «крылатая фигура с рогатиной», «ободок точечный и плоский» (стр. 181). «Шевелюра» тут или гребень шлема — говорить об этом с категоричностью нельзя, и достаточно было ограничиться указанием, что изображение схематическое или крайне грубое (рис. 1). Ни о какой «рогатине» или каком-либо ином оружии не может быть и речи, так как голова Ники тут просто стилизована, на что я указывал и раньше (ВДИ, 1949, № 3, стр. 163). Легко также убедиться, что на монете нет никакого ободка.

Как известно, золотые монеты почти не изменяются от действия среды. Чеканенные из более ценного металла, они меньше находились в обращении, вследствие чего, сравнительно с серебряными и медными монетами, изнашивались меньше. Это касается всех золотых монет вообще. Но в данном случае следует обратить внимание на то, что высокая опушка этих подражаний предохраняла остальное поле монеты от изнашивания, и в тех редких случаях, когда этой опушки нет или она ниже, чем обычно, монета доходит до нас более стертой. В собрании Государственного музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашвили таких относительно «стертых от обращения» подражаний имеется несколько экземпляров. Специальное название этих подражаний т. е. их изготовление для «потребительного инвентаря», С. И. Макалатия стремится доказать и тем, что «...монеты этого типа в денежныхкладах не найдены» (стр. 183). Но если по этому признаку ставить под сомнение назначение каких-либо монет, то многие несомненно подлинные монеты разделили бы ту же участь.

Нельзя согласиться с С. И. Макалатия, что если бы для чеканки золотой монеты у колхских правителей «...был нужный запас золота, более целесообразным было бы чеканить свою монету наподобие серебряной колхидки» (стр. 184). Допустим, что можно не считать с мифом об аргонавтах или с вполне конкретным сообщением Плиния о царе колхов, «добывавшем много золота и серебра в земле суанов и в вообще своем государстве, славном золотыми рунами» (NH, XXIII, 52). Но как в таком случае объяснить, что этот «нужный запас золота» для чеканки подражаний оказался у «частных мастеров»? Неужели они располагали большими ресурсами, чем их правители? А затем разве так обязательно чеканить золотую монету «наподобие серебряной»? Чем же тогда объяснить «икнографическую» разницу, бесспорно существующую между золотыми и серебряными монетами хотя бы Александра Македонского?

Явно противоречивы указания С. И. Макалатия, «...что мастерство золотых дел в этот период в Иберии и Колхиде было весьма развито и здесь производили высокохудожественные ювелирные вещи и украшения» (стр. 185), а затем — что изготовление этих «упрощенных», выполненных «низкой техникой» и с «искаженной иконографией» подражаний дело рук тех же мастеров (стр. 186).

Ошибочно также утверждение, что «...подобными монетами пользовались менее богатые люди, и они обычно встречаются именно в их погребениях... что монеты грубого

¹ После публикации список возрос еще на 10%.

Рис. 1. Монета из с. Ахриси; вес 3,22 г

Рис. 2. 1 — статер Аки из с. Кинчха (ГМГ, № 4872; вес 8,45 г); 2 — из с. Реке (ГМГ, № 3066; вес 7,78 г); 3 — происхождение неизвестно (в частной коллекции; вес 7,27 г); 4 — происхождение неизвестно (ГМГ, № 1578; вес 6,92 г); 5 — происхождение неизвестно (ГМГ, № 1588; вес 2,50 г); 6 — из с. Мулахи (ГМГ, № 4871; вес 2,0 г)

Подражания в богатых погребениях питахшей (эриставов) в армазском (Мцхета) некрополе... пока не найдены. А между тем армазский некрополь синхроничен с погребениями Кддеети, где были найдены 13 золотых монет грубого подражания статаграм Александра» (стр. 186). Можно ли называть кддеетские погребения принадлежащими «менее богатым людям», предоставляю судить тем, кто видел хотя бы иллюстрации, помещенные в учебнике «История Грузии», где имеется и косвенное указание на то, что погребение и инвентарь могли принадлежать «вельможе (возможно — эриставу)»¹. Кроме того, сошлюсь на самую последнюю и неопровержимую находку.

В конце июня 1951 года археологи Института истории им. акад. И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР обнаружили великолепно сохранившийся мавзолей, расположенный на правом берегу Куры, недалеко от железнодорожной станции Мцхета, на участке, непосредственно примыкающем к Багипети (где на протяжении ряда лет велись археологические раскопки). Мавзолей, к сожалению, оказался разграбленным в древности через незначительный пролом в его кровле. Несмотря на это, там были найдены остатки, несомненно, очень богатого и интересного погребального инвентаря (керамика, стекло, золотые изделия, бронзовая статуэтка и пр.), а также следующие монеты:

I. Золотые: 1) подражания указанного выше типа с низкой опушкой и явными следами обращения — 5 экземпляров; 2) римские ауреусы (по одному — Тиберия, Нерона, Вителлия и Веспасиана) — 4 экземпляра.

Вместе с монетами была обнаружена круглая золотая пластинка, диаметром, толщиной и весом в точности соответствующая указанным выше подражаниям (вес пластинки 3,38 г, а самого тяжелого из этих пяти экземпляров 3,45 г). Гладкая с обеих сторон поверхность пластинки расчерчена двумя перпендикулярно пересекающимися диаметрами, образующими знак креста, на котором в месте пересечения и на концах ветвей выцарапано по кружочку.

II. Серебряные: 1) в большинстве своем сильно потертые парфянские драхмы I в. до н. э., принадлежащие Артабану II, Синетруку, Фраату III и Фраату IV (по одной) и Ороду I (47 экз.), всего 51 экземпляр; 2) прекрасно сохранившийся денарий с именем Октавиана Августа — 1 экземпляр; 3) сильно потертые драхмы, с сохранившейся на одной из них надписью ΒΑΣΙ... ΟΝΟΣ (по типу близкие к драхам понтийского Палемона) — 2 экземпляра.

Наличие в этом комплексе ауреусов Вителлия и Веспасиана свидетельствует о том, что сопутствующие им подражания, находки которых в Восточной Грузии в последнее время участились, видимо, бытовали в Иберии в конце I в. н. э. Характерно полное отсутствие драхм Готарва, имевших в Грузии широкое распространение и, судя по этому комплексу, появившихся здесь позже. Но особенно пристального внимания и специального изучения заслуживает золотая пластинка. Считать ее индикацией трудно, так как для этого она слишком массивна; признать же ее заготовкой для изготовления подражания пока имеется мало оснований. Но если последнее предположение подтвердится, то западногрузинское происхождение подражаний александровского типа уже должно быть поставлено под сомнение, особенно в связи с тем, что район их распространения все больше перемещается к востоку. Придав ахрискской находке такое большое значение, С. И. Макалатия оказывается правым в той части своих суждений, где речь идет об изменении представления об ареале распространения этих подражаний. Но я и раньше отмечал, что находки подражаний статаграм Александра в основной массе распределены в нагорной части, граничащей с Иберией, а лисимаховской категории — по побережью Черного моря, и связывал это с упоминанием в «Картлис Цховреба» (издание М. Броссе) самостоятельных областей — Эгриси и Маргвиси (ВДИ, 1949, № 3, стр. 160). Конечно, трудно пока говорить, чем объясняются находки таких подражаний в Ахриси и Мцхете², случайным ли их про-

¹ «История Грузии» под ред. акад. С. Н. Джанашиа, Тбилиси, 1946, стр. 102 сл.

² В последний момент поступило известие о находке аналогичного подражания в самом гор. Гори.

никновением с Запада, или же тем, что большинство регистрируемых ранее пунктов аналогичных находок когда-то в древности, в определенный период, входили в пределы Иберийского царства? Если последнее подтвердится, то введенный мною термин «колхский статер» в отношении подражаний александровского типа, конечно, уже придется заменить более соответствующим. Вот все, что я могу добавить к сказанному раньше относительно происхождения и распространения этих монет.

Что же касается их назначения, то все эти подражания, несомненно, представляют собой памятники денежного обращения.

С этим следует согласиться, так как иначе, если стать на точку зрения С. И. Макалатия, придется поставить под сомнение назначение подражаний всех категорий и, в частности, даже тех, которые сам С. И. Макалатия считает памятниками денежного обращения¹. Тут, кроме лисимаховских, я имею в виду подражания римским ауреусам второй половины III в. н. э., которые неустойчивостью весовых показателей обнаруживают черты сходства с подражаниями статерам Александра. В этом отношении очень показательны так называемые «варваризованные» ауреусы, одновременно поступившие в Государственный Музей Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа. Подражания ауреусам Нумериана (283—284) из погребения в сел. Агаияи (см. вышеуказанную ссылку на публикацию С. И. Макалатия) и погребения в гор. Сталинири, битые из одной и той же пары штампов и при одинаковой степени сохранности, дают очень чувствительное для золота отклонение, достигающее 30% (3,52 г — 2,68 г = 0,84 г).

Сличение весовых показателей подражаний ауреусам Филиппа Старшего (244—249) из погребения № 3 армазского некрополя также дало значительное отклонение, достигающее 16% (4,01 г — 3,45 г = 0,56 г).

С. И. Макалатия умалчивает не только об этих ауреусах, но и о подражаниях лисимаховским статерам, которые показывают более чувствительные отклонения и обнаруживают постепенную деградацию, давая все переходы от самых ранних образцов, выполненных с высоким художественным мастерством, до последних, грубо выполненных подделок этих статеров. Продолжающие непрерывно поступать новые данные, все более и более обогащая эту группу монет и заполняя отсутствующие звенья, дают настолько наглядную и убедительную картину, что помещенные выше фотоперепродукции не требуют комментариев (см. рис. 2, табл.).

Д. Г. Капанадзе